

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

В. С. Стариков

**НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Б. И. ПАНКРАТОВА**

(К 75-летию со дня рождения)

Изданием настоящего сборника научная общественность отмечает 75-летие со дня рождения одного из виднейших русских востоковедов, известного специалиста в области языка и культуры народов Азии, Бориса Ивановича Панкратава.

Б. И. Панкратов пользуется заслуженным признанием не только в СССР, но и среди зарубежных востоковедов. Об этом, в частности, можно судить и по тем приветствиям и телеграммам, которые получил юбиляр не только из Ленинграда и других городов Советского Союза, но также из самых различных стран мира.

Востоковед широкого профиля, энциклопедист в самом лучшем понимании этого слова, Б. И. Панкратов — единственный у нас ученый, в котором совместились монголовед, китаист, тибетолог, маньчжуровед и тюрколог. Для его научных интересов характерен не только широкий диапазон, но и глубина проникновения в сущность поставленной проблемы. В этом убеждается каждый, кто обращается к Борису Ивановичу за консультацией или советом, которые он неизменно щедро дает, не считаясь со своей занятостью. Особую ценность консультациям Б. И. Панкратава придает еще и то обстоятельство, что он в совершенстве изучил монгольский, китайский, маньчжурский, тибетский языки, знает санскрит, древнеуйгурский и некоторые другие восточные языки, а наряду с ними отлично владеет основными западно-европейскими языками — английским, французским, немецким, итальянским, шведским, голландским, равно как и древними — латинским и греческим. В общей же сложности, как установили друзья Бориса Ивановича, он владеет двадцатью языками, что уже само говорит о многом. Стоит несколько подробнее остановиться на некоторых моментах вы сказанного здесь и подкрепить это мнениями других востоковедов, специалистов в различных областях знаний, которые удалось обнаружить в фондах Архива востоковедов Института народов Азии АН СССР в Ленинграде.

Вот что писал акад. В. М. Алексеев 22.X.1948 г.: «По типу своих знаний и стремлений Б. И. Панкратов принадлежит к числу китаистов-полиглотов (он знает монгольский, маньчжурский и тибетский языки) старой школы (владивостокская ветвь старопетербургской школы), с той, однако, разницею существенной, что, в то время как у нас, еще гораздо ранних представителей Петербургской старой школы полиглотов (до 1900 г.) полиглотические ветви знания (монгольский, маньчжурский, японский) постепенно замирали и атрофировались за счет все-

поглощающих работ над китайским языком и связанными с ним, основанными на нем специальностями,— в Б. И. Панкратове все части полиглотического целого непрерывно жили полною жизнью, ибо поддерживались его непрерывною деятельностью, исследовательскою и преподавательскою во всех таких статьях, особенно в монголистике и тибетонистике. Он оказался везде полезным и необходимым знатоком, не имевшим времени для диссертационной сосредоточенности. Тем не менее его учебник китайского разговорного языка оценен по достоинству и у нас принят, а работа его над монголо-русским словарем Института востоковедения АН СССР должна быть оценена именно как работа не только сосредоточенного монголиста и редактора целого отдела словаря, а именно полиглота с соответствующими ресурсами, каких его товарищи по составлению могли и не иметь».

Далее В. М. Алексеев отмечает «долголетнее и очень деятельное, отмеченное как нужное и успешное пребывание Б. И. Панкратова на советской службе в Китае, выдвинувшее его как китаиста-практика и теоретика и преподавателя китайского и других языков на весьма заметное место среди советских китаистов; комплекс его знаний, которому каждый из нас, имеющих ученые степени китаистов, может только позавидовать, его нужную нам всем коллекционерскую (В. М. Алексеев подразумевает собирание Б. И. Панкратовым фольклорных материалов в Китае.— прим. В. С.), глубоко интересную и полезную деятельность,— наконец,— его исключительно полезное редакторское и другое сотрудничество в Китайско-русском словаре АН СССР...».

Профессор В. С. Колоколов 8 мая 1957 г. писал: «Мне пришлось пользоваться разговорником китайского языка, составленным Борисом Ивановичем еще в тридцатых годах. Полагаю, что этот разговорник до настоящего времени не утратил своей ценности, ибо в нем даны лучшие образцы пекинского столичного говора с весьма красочной и разнообразной фразеологией...

Мне приходится неоднократно обращаться к Борису Ивановичу за разъяснениями по ряду вопросов, связанных с толкованием буддийских текстов, и всегда получать исчерпывающие указания».

Вместе с тем, пишет В. С. Колоколов, Борис Иванович является непревзойденным знатоком маньчжурского, монгольского и тибетского языков. Кроме того, он прекрасно знает духовную и материальную культуру народов, говорящих на этих языках.

В полной справедливости последних слов проф. В. С. Колоколова автору этих строк с большим удовольствием довелось убедиться, когда Борис Иванович редактировал книгу «Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР». Благодаря редакторским замечаниям Бориса Ивановича удалось избавиться от ряда промахов и упущений.

Что же касается глубокого знания наряду с китайским всех упомянутых языков, столь различных между собою, то важно отметить, что оно было приобретено Борисом Ивановичем не только путем кабинетных книжных занятий, но и благодаря постоянному и тесному общению с живыми носителями языков везде, где ему приходилось бывать. Вот почему Борис Иванович превосходно владеет этими языками не только в их литературных формах, но и в формах живой речи, которые, как известно, весьма отличаются от книжных. Эти знания Борис Иванович в течение многих лет передавал студентам и аспирантам. В стенограмме одного из заседаний Ученого совета Института востоковедения АН СССР (1948 г.) отмечаются «громадные знания

Борис Иванович ПАНКРАТОВ

(Б. И. Панкратова) в области филологии Дальнего Востока. Нужно указать,— читаем в этой стенограмме,— что большинство диссертаций, которое прошло в нашей среде по специальности дальневосточной литературы и истории, могли быть написаны при деятельной помощи с его стороны».

Добавлю к этому, что не только диссертации, но и ряд научных работ был доведен до успешного завершения только благодаря советам и указаниям Бориса Ивановича. Следует заметить, что исследователи филологии не только Дальнего Востока, но нередко и стран Среднего и Ближнего Востока обращаются к Борису Ивановичу за консультацией и во всех случаях получают от него исчерпывающие ответы. Все это наглядно показывает, насколько глубока и разнообразна эрудиция Бориса Ивановича, который с большой готовностью постоянно делится своими знаниями с востоковедами самых различных специальностей.

Хочу с благодарностью отметить, что Борис Иванович является постоянным консультантом нашей группы по дешифровке киданьского письма с самого начала ее работы. Эта тема для Б. И. Панкратова не нова, в свое время он тоже интересовался киданьским письмом, дешифровка которого так важна для монголоведения и изучения взаимовлияния культур.

Такова кроме всех уже отмеченных разнообразных видов деятельности Бориса Ивановича еще одна область его трудов — консультации, отзывы, рецензии и самые различные и постоянные виды помощи, оказываемой им многим научным работникам. Эта работа, обширная и многообразная, в то же время весьма трудоемка, но заслуги Бориса Ивановича в ней остаются почти неучтенными.

Однако данные Архива востоковедов и мнение людей, хорошо знающих Б. И. Панкратова по многим годам совместной работы, будут далеко не полны, если мы не познакомимся с другими сведениями из биографии юбиляра.

Борис Иванович Панкратов родился в Костроме 29 февраля (ст. ст.) 1892 г. По окончании приходской школы он поступил в Костромское реальное училище и окончил его в 1911 г. Той же осенью он отправляется во Владивосток, чтобы поступить на китайско-монгольское отделение Восточного института.

Почему же костромского реалиста Бориса Панкратова так потянуло в институт, далекий и от Костромы и от профиля реального училища? Еще будучи старшеклассником, он полюбил книги, написанные путешественниками по Востоку. Особенно увлекло его наряду с путешествиями Н. М. Пржевальского описание «Путешествия в Китай» д-ра Б. И. Пясецкого. Пожалуй, именно эта книга, как однажды вспоминал Борис Иванович, и определила весь ход его дальнейшей жизни и направление интересов.

Попробую обрисовать в общих чертах первые шаги вчерашнего костромского реалиста, ставшего студентом Восточного института, по тем сведениям о Борисе Панкратове, которые нашли отражение в некоторых изданиях этого института. Боюсь, что эти сведения являются далеко не полными, так как я не смог с исчерпывающей полнотой просмотреть все издания Восточного института, но даже и то, что удалось обнаружить, показывает основательный фундамент знаний Бориса Ивановича, закладка которого началась в этом замечательном высшем учебном заведении.

В «Известиях Восточного института» (№ 9, приложение 2-е, Владивосток, 1914 г., стр. 37) можно прочитать следующее.

На заседании Конференции Восточного института (так назывался высший руководящий орган этого учреждения), состоявшемся 25 октября 1911 г., «по обнаружении результатов конкурсных испытаний на получение стипендий вновь вступивших в институт студентов 1-го курса, в связи с обнаруженными ими успехами при окончании курса соответствующих средних учебных заведений, определено» назначить стипендию, «учрежденную при институте Николаевским-на-Амуре городским обществом», студенту 1-го курса Панкратову Борису.

Таково первое свидетельство, подтверждающее трудолюбие и добросовестное отношение к любому предпринятому делу, которыми ярко характеризуется вся последующая жизнь и научная деятельность Бориса Ивановича Панкратова.

На заседании 30 апреля 1912 г. «по обсуждении результатов переводных испытаний, произведенных весной текущего года, определено: на основании обнаруженных познаний на переводных испытаниях удостоить перевода на старшие курсы студентов... 14. Панкратова Бориса (этому предшествует список еще тринадцати студентов, общее число которых достигает 20.— В. С.)».

Опубликована и сама «Экзаменационная ведомость переводных испытаний студентов В. Института весной 1912 года». В списке находим Панкратова Бориса Ивановича, получившего по богословию — 5, по китайскому языку — 5, по английскому языку — 5. Против его фамилии стоит звездочка примечания, и в сноске можно прочитать: «Студент Панкратов экзаменовался также по тибетскому языку и пол. отм. 5 (пять)». Это были его первые шаги в тибетоведении. Тогда же Б. И. Панкратов был командирован для практических занятий в «пределы Монголии».

Так началась научная деятельность Б. И. Панкратова.

В студенческие годы ему удалось неоднократно побывать в различных районах Монголии и Маньчжурии как по командировкам Института, так и на свои скромные личные средства, чтобы собрать интересовавшие его материалы. Результат одной из поездок частично нашел отражение в статье «В Хулунбуире (Орочоны)», помещенной в сборнике работ профессоров и студентов Восточного института, вышедшем во Владивостоке в 1915 г. под названием «Vivat Academia». Любопытно, что статья эта была опубликована без ведома автора. Один из организаторов издания просто взял со стола Б. И. Панкратова записи его впечатлений о поездке и отправил в печать.

К студенческим же годам относится начало собирания различных материалов по языку и быту дагуров, а также первое знакомство с восточными монголами. Оно началось в 1914 г. во время экспедиции по изучению очагов чумы в Монголии, организованной Управлением Китайской Восточной железной дороги и возглавлявшейся помощником главного врача дороги д-ром Э. П. Хмара-Борщевским, дружеские связи с которым продолжались многие годы.

Весной 1916 г. Б. И. Панкратов окончил китайско-монгольское отделение по первому разряду. Постановлением Конференции Восточного института он был оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре монгольской словесности.

В 1916—1919 учебных годах он читает студентам Восточного института курсы монгольского и маньчжурского языков. В 1919 г. институт командует Б. И. Панкратова в Китай и Монголию для совершенствования знаний в китайском, монгольском и тибетском языках. Три года он живет в Ханькоу, используя это время для изучения таких диалектов, как хубэйский и хэнаньский.

В 1921 г. Панкратова вызывают в Пекин для работы переводчиком в пекинском отделении Российского телеграфного агентства (РОСТА). Работая в РОСТА, Борис Иванович в то же время успевал преподавать русский язык в Институте русского языка при министерстве иностранных дел Китайской Республики.

В 1924 г. его переводят в посольство СССР в Китае в качестве ученого специалиста по языкам и культуре народов Китая. Серьезная востоковедная подготовка, полученная в Восточном институте, и практическое ознакомление с изучаемыми языками и странами в дальнейшие годы определили место Б. И. Панкратова в ряду лучших знатоков как современности, так и истории этих стран.

В 1929 г. Борис Иванович приглашается на работу, а потом становится старшим научным сотрудником и заместителем директора Института китайско-индийских исследований (Sino-Indian Research Institute) научно-исследовательского центра Харвард — Яньцзин в Пекине. Для группы сотрудников этого института он читает лекции по истории буддизма в Китае, Тибете и Монголии, по тибетской буддийской литературе, буддийской иконографии, а также по алтайскому языкознанию.

Это были годы напряженной и чрезвычайно плодотворной работы по исследованию языков и культуры народов Восточной Азии (ведь Борис Иванович бывал также в Корее и Японии) и годы сотрудничества со многими зарубежными востоковедами, жившими тогда в Пекине или приезжавшими туда на различные сроки.

В Институт китайско-индийских исследований Б. И. Панкратов представил тибетскую версию «Алмазной сутры» (сравнительное исследование четырех тибетских текстов с примечаниями), а также «Лама шо» — перевод (с примечаниями) эдикта относительно ламства императора Цянь-луна на четырех языках. Обе работы были написаны по-английски.

Тогда же им была подготовлена большая работа «Индекс к биографиям знаменитых монахов», намечавшаяся к публикации в серии индексов Яньцзинского университета.

Вернувшись на родину, Б. И. Панкратов с ноября 1935 г. стал старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР в Ленинграде по Монгольскому кабинету, где он помимо разборки и определения тибетских рукописей из бурятских дацанов был ведущим работником при составлении «Большого монголо-русского словаря». В 1939—1941 гг. им составлено около 30 авт. л. текста словаря и отредактировано 200 авт. л. Одновременно Борис Иванович преподавал монгольский и китайский языки в Ленинградском восточном институте, китайский и тибетский языки в Ленинградском университете. Кроме того, он был постоянным консультантом сотрудников Института народов Севера и Института языка и мышления АН СССР.

С началом войны Борис Иванович принял самое активное участие в сохранении научных ценностей Института востоковедения, имеющих мировое значение (упаковка, перемещение их в укрытие, охрана здания во время бомбежек и т. д.). Блокада города застает его бойцом отряда самообороны АН СССР. За это по окончании войны он был награжден медалью.

В июле 1942 г. Бориса Ивановича вызывают в Москву и командировывают в Китай по поручению Министерства иностранных дел СССР для работы в советском посольстве. В этот период он побывал в Синьцзяне, в различных провинциях Южного, Юго-Западного, Центрального и Северного Китая. Характерная деталь: находясь в Пекине, Борис Ива-

нович успевает выкраивать время и для преподавания истории в средней школе для детей граждан СССР. Раз нет преподавателя, значит, нужно помочь. Все это время он продолжает собирать библиотеку по Китаю, а также рукописные материалы по языку и фольклору.

В 1948 г., по возвращении из Китая, Борис Иванович был снова зачислен научным сотрудником и ученым секретарем Рукописного отдела ИВАН СССР. Одновременно он преподает на Восточном факультете Ленинградского государственного университета китайский и маньчжурский языки и в апреле 1952 г. получает звание доцента по кафедре китайской филологии.

1 февраля 1952 г. Борис Иванович назначается Ученым хранителем дальневосточных фондов Института востоковедения. 29 февраля того же года в связи с шестидесятилетием ему объявляется благодарность за многолетнюю плодотворную научную работу и вручается премия. В 1958 г. он переводится на должность старшего научного сотрудника ИВАН.

Крупный специалист в области реставрации и консервации восточной книги и рукописных документов, Б. И. Панкратов был консультантом по этим вопросам в секторе Восточных рукописей. Исключительная важность работ организованной им лаборатории по реставрации и консервации рукописей ясна каждому, кто знает богатейшие их собрания в ленинградском отделении Института востоковедения. Вспомним хотя бы ценнейшие рукописи из пещер Дуньхуана, тангутский фонд и т. п.

Превосходное знание Б. И. Панкратовым маньчжурского языка особенно проявилось при руководстве работами по разбору материалов большого архива маньчжурских документов в 1954—1955 гг. в Москве, а также при редактировании книги М. П. Волковой «Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР» (М., 1965) и консультациях по ее же книге «Нишань самани битхэ (Предание о Нишанской шаманке)», вышедшей в 1961 г.

В 1952 г. вышел I том, а в 1960 г. II том «Сборника летописей» Рашид ад-дина, где перу Бориса Ивановича принадлежат комментарии, касающиеся Китая, Монголии, Маньчжурии, Тибета и Кореи, а также восстановление монгольских, тюркских и китайских имен. В 1957 г. в Москве был издан сборник лирики Ли Бо со вступительной статьей Б. И. Панкратова.

Являясь крупнейшим советским буддологом, Борис Иванович опубликовал раздел «Васильев как буддолог» в статье «Русский китаевед академик В. П. Васильев», написанной совместно с другими авторами для книги «Очерки истории русского востоковедения» (вып. II, М., 1966). В рукописи осталась его работа «Литература буддийских факультетов Тибета».

Также в рукописях остались «Очерк истории Тибета VII—XIV вв.» и «Очерк тибетской литературы», написанные Борисом Ивановичем в 40-х годах. В последние годы он редактировал тибетско-русско-английский словарь, составленный Ю. Н. Рерихом.

Всегда интересуясь историей русского китаеведения, Б. И. Панкратов уделял время истории русской Пекинской духовной миссии и наследию Н. Я. Бичурина. В столетнюю годовщину со дня смерти нашего крупнейшего китаеведа прошлого он выступил с докладом «Н. Я. Бичурин как переводчик».

Борис Иванович принимал участие и в авторском коллективе по составлению однотомника «История Монгольской Народной Республики» (М., 1954). В 1951 г. на сессии, посвященной вопросам эпоса о Гэ-

сэре в ИВАН, им был прочитан доклад «Сказание о Гэсэре в Монголии, Тибете и Бурят-Монголии». Много времени посвятил Борис Иванович редактированию и уточнению ряда положений книги «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения» (т. I, М.—Л., 1957). За это же время им подготовлены «Китайско-монгольские словари и документы (XIV—XVII вв.) в китайской транскрипции» (с реконструкцией текста, переводом и примечаниями), «Материалы по чахарскому диалекту», «Исследование языка дагуров долины реки Нонни», а также написано много отзывов и рецензий на статьи и работы по монголоведению.

Однако все это отходит на второй план по сравнению с другой, огромной работой, которой Борис Иванович занимается и в настоящее время. Речь идет о подготовке к печати замечательного, крайне сложного памятника среднемонгольской феодальной историографии, известного под названием «Юань-чао би-ши». Это большое историческое и вместе с тем литературное произведение, написанное на среднемонгольском языке, дошло до нас только в китайской иероглифической транскрипции. В 1962 г. в Большой серии памятников литературы народов Востока вышел в свет первый том монументального труда — «Юань-чао би-ши (Секретная история монголов), 15 цзюаней. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова». В целом же в этой работе будут даны научная транскрипция китайского иероглифического текста, восстановленного монгольского текста и монгольского чтения памятника, принятого в XIII в., точный филологический перевод, комментарии, словарь, указатели и т. п. Нужно сказать, что издания «Секретной истории монголов» в таком широком охвате никто в мире еще не предпринимал, оно может быть выполнено только востоковедом, в одинаковой мере отлично владеющим как монгольским, так и китайским языками, на всю их глубину, необходимую для осуществления этого огромного научного предприятия. В нашей стране такая работа в настоящее время под силу только одному Б. И. Панкратову.

Из всего сказанного видно, что Борис Иванович Панкратов является ученым, в котором, к счастью для нашей науки, сочетаются действительно энциклопедические познания в области китаеведения, монголоведения, маньчжуроведения и тибетоведения. Можно лишь пожалеть, что ряд написанных им работ различного объема остаются еще в рукописи, а собранные за долгие годы пребывания на Дальнем Востоке богатейшие материалы, которые содержат так много полезного для языковедов, этнографов, историков и географов, ждут опубликования и хранятся в его личном архиве.